

*Попкова Е.М., кандидат филологических наук, старший преподаватель  
Государственного университета –  
Высшей школы экономики*

## **К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА**

В данной статье рассматривается обоснованность употребления такого термина как «грамматический род» для описания принципов деления существительных на родовые классы в том или ином языке, точнее говоря, для установления соответствия или несоответствия принципов родораспределения биологическим признакам референта. Как видится, обозначение «несемантичности» принципов родораспределения термином «грамматический род», традиционно употребляемым лингвистами уже в течение многих десятилетий, препятствует правильному пониманию сути исследуемого явления.

Касаясь этого вопроса, стоит вспомнить слова О. Есперсена, который, рассматривая вопрос употребления терминов, отмечал, что любая отрасль науки должна время от времени пересматривать свою терминологию: «Традиционные термины часто сковывают мышление исследователей и могут стать препятствием для плодотворных изысканий» [Есперсен, 1958: 393]. Несомненно, установленная терминология, в которой значение каждого термина хорошо известно, представляет огромные преимущества. Однако если в установленной терминологии употребляются термины, значение которых бывает различным в зависимости от обстоятельств или индивидуальных привычек разных авторов, то становится необходимым решить, какое значение лучше всего придать этим терминам, или же ввести новые термины, свободные от двусмысленности. Создание новых терминов необходимо не только для вновь открытых вещей, но и для новых понятий, возникших в результате нового осмысления уже известных фактов.

Данный факт обуславливает необходимость пересмотреть сущность понятия так называемого грамматического рода. Согласно общепринятому в современной лингвистике определению, под грамматическим родом понимается формальное распределение существительных по определённым родовым классам, при этом имеется в виду распределение, не соответствующее естественным (биологическим) признакам референтов. Другими словами, грамматическую категорию рода понимают как не мотивированное семантическим признаком пола соотнесение неодушевленных существительных с тем или иным родовым классом, а также соотнесение со средним родом некоторых одушевленных существительных (ср. *нем.* Mädchen «девочка», Fräulein «девушка»). Тем не менее, практика показывает, что определение подобных лингвистических явлений термином «грамматический род» приводит к многочисленным разночтениям, значительно усложняет подход к исследованию сущности родовой категории как таковой. Анализ большого количества теоретических источников на предмет исследования категории рода позволил нам прийти к выводу, что отдельные лингвисты вкладывают в данное понятие различный смысл. Именно здесь приходится говорить о том, что выше было названо «индивидуальными привычками разных авторов». В силу этого возникают противоречия в трактовке основных признаков исследуемой категории, что приводит к подмене одних понятий другими и довольно часто оказывается препятствием для понимания сути вопроса.

Так каким же образом соотносятся понятия «род» и «грамматичность», «грамматическая категория»? Как известно, грамматическая категория представляет собой определенную **систему средств выражения грамматического значения**. Последнее отличается от лексического значения тем, что принадлежит не отдельному слову, а выражает определенные характеристики, присущие целому классу слов. В соответствии с этим положением, «грамматическая» категория рода должна обладать определенным значением, распространяющимся на какой-либо обширный класс слов, а также,

в свою очередь, определенными средствами выражения этого значения, присущими всему данному классу слов. Таким образом, правильное определение «грамматичности» рода предполагает установление факта соответствия данной категории двум вышеназванным условиям.

Что касается первого условия, а именно наличия определенного значения у категории рода, то его выявление не представляет особого труда и вряд ли является спорным вопросом. Выше отмечалось, что общей функциональной основой категории рода, выделяемой для всех индоевропейских языков, является распределение слов или их форм по разрядам, или классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием. Данное распределение находит выражение в различных способах оформления имени, определенных формах склонения, использовании тех или иных артиклей, согласовании. Как видно, средства выражения рода довольно разнообразны, но только выявление одного универсального для всех языков средства выражения рода позволит говорить о выполнении второго условия и с точностью отнести род к грамматическим категориям.

Стоит отметить, что именно в рамках класса существительных категория рода выявляется в качестве субстанциальной основы. В других классах слов родовая категория отображается в виде согласованных признаков. Соответственно универсальное средство выражения родового значения должно быть общим именно для класса существительных.

Итак, как было отмечено выше, средства индикации рода в индоевропейских языках довольно разнообразны – различное оформление имени, формы склонения. В некоторых языках функция различения рода часто переходит от флексии к артиклю, как, в частности, в немецком языке (der - показатель м.р., die - ж.р., das - ср. р.) или романских (франц. un - une, le - la (муж. р. - жен. р)).

Рассматривая внешнее оформление имени, можно сказать, что в индоевропейских языках наблюдается лишь факт преобладания в женском роде основ на –а и в мужском роде основ на –о. Ср.: исп. hermano («брат», муж. р.) -

hermana («сестра», жен.р.) ; *рус.*– подруга (жен. р.); *итал.* amico («друг», муж. р.) – amica («подруга», жен. р.) и т.д. Однако в аналитических языках, где слишком слабо развита система флексий, не действует даже это не совсем чёткое правило. Да и синтетические языки содержат немало примеров, противоречащих данному наблюдению. В частности, анализ склонения существительных с подобным окончанием в русском языке, выявляет системную неупорядоченность. – Например, в группу существительных с основой на –а входит немало слов не только женского, но и мужского рода: *папа, воевода, громила*, и др. В случае с подобными существительными семантика и согласование с родоизменяемыми частями речи не соответствуют основному словообразовательному типу склонения.

Необходимо отметить, что наряду с единокорневым выражением половых различий существенную роль в системе словообразовательных родоуказующих средств играет явление так называемого **номинативного супплетивизма**. Ср.: *рус.* брат – сестра; *англ.* fox - vixen «лис – лисица», bull – cow «бык – корова»; *нем.* der Bruder-die Schwester «брат – сестра»; *итал.* padre – madre «отец – мать». Подобное указание рода, «запрятанное» в семантике существительного, получило в лингвистике название гетеронимии (врождённой родовой характеристики, не имеющей явных эксплицитных средств выражения). Гетеронимические пары служат важным средством восполнения лексической парадигмы номинации. Тем не менее, они иллюстрируют несостоятельность критерия определения рода по внешней форме существительного.

С учетом вышесказанного, ввиду того, что внешнее оформление имени не позволяет однозначно определить принадлежность существительного к какому-либо определенному родовому классу, его вряд ли можно рассматривать в качестве надежного критерия родоуказания<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Именно отсутствие чётких формальных показателей рода в морфемике существительных привело к образованию промежуточных классов слов. Ещё в античных грамматиках, в трудах древнегреческих учёных делались попытки классификации промежуточных родовых классов. Выделялся *общий род* (*греч.* koinon), к которому относились существительные, способные соотноситься как с мужским, так и с женским родовыми классами (ср. *рус.* «сирота», «неряха», «непоседа», «почемучка», «пьяница»; *англ.* «doctor», «assistant») и

Другим средством выражения родовых характеристик является согласование. Как известно, роль различных частей речи в процессе согласования неодинакова - активную, согласующую роль играют существительные, а классная принадлежность существительного выступает в качестве его константной лексической приметы.

Согласуемые же части речи не распределяются по каким либо классам именно в силу того, что способность согласования с любым существительным предполагает наличие способности принимать формы всех классов. Таким образом, в согласуемых словах классы превращаются в словоизменительную категорию, и форма класса должна выражаться в них эксплицитно. Если в существительном принадлежность к тому или иному родовому классу может лишь предполагаться, как в случае гетеронимии, то в согласуемых частях речи она обязательно получает звуковое выявление. Ср. напр.: *русск.* чѐрный кофе (муж. р.), справочное бюро (ср. р.) и т.д.; *итал.* рапе nero (муж. р.) «чѐрный хлеб», una bella frase (жен. р.) «красивая фраза» и т. д. Родовой класс в приведенных сочетаниях слов имеет чѐткий формальный показатель лишь в согласуемом прилагательном.

Таким образом, согласовательный критерий определения рода, в отличие от оформления имени, можно считать более надежным. Подобных взглядов на значимость природы согласования в индикации рода придерживаются также У. П. Леманн [Lehmann, 1958], Г. Г. Корбетт [Corbett, 1994], Дж. Дж. Ван Беркум

---

*обоюдный род* (греч. еpикоiноn), в который включались общие названия животных, безотносительно к тому, самец это или самка. Ср.: *рус.* «собака», *нем.* «die Maus», *англ.* «dark» и т. д. Особенность этих классов состоит в том, что формально они содержат признаки одного рода, но могут быть приложимы к лицам (особям) обоих полов. Отличие же между ними проявляется в согласовании. В синтаксическом плане имена общего рода имеют двойное согласование, в зависимости от пола лица, к которому они относятся (ср. «сосед такой неряха - соседка такая неряха»). Однако, в частности, в русском языке существительные общего рода представлены в языке ограниченным количеством примеров — вероятно, потому, что они асистемны: род существительного — классификационная категория, а слова типа *непоседа* не могут быть дифференцированы по роду вне контекста. Имена обоюдного рода имеют единую согласовательную модель (ср. «он\она сущий хорѐк»). Иначе говоря, существительные обоюдного рода выступают в предложении в виде несогласуемых предикатов, а существительные общего рода - в виде согласуемых.

[Van Berkum, 1996], И. Фодор [Fodor, 1959] и др. О. Есперсен, в частности, подчеркивал, что прилагательные более «ортодоксальны» в отношении окончаний рода, чем существительные: «...встречаются существительные мужского рода с окончанием *-a* и существительные женского рода с окончанием *-us*, но прилагательные в мужском роде всегда имеют *-us*: bonus «хороший», а в женском — всегда *-a*: bona (bonus poeta «хороший поэт», bona fagus «хороший бук») [Есперсен, 1958: 68].

Однако и здесь все не так просто как может показаться с первого взгляда, так как номенклатура согласовательных классов значительно варьируется по языкам.

Анализ различных согласовательных способов родоуказания показывает, что главенствующая роль в выражении родовых характеристик имени существительного отводится местоимениям. Подобное положение основывается на достижениях современной лингвистики в области изучения природы местоименного класса слов.

Общеизвестно, что долгое время существовала теория о принадлежности местоимений к независимым, знаменательным частям речи, вследствие чего они рассматривались как самостоятельно существующий класс слов.

Тем не менее, на современном этапе развития лингвистической теории учёт существа критериев, на основании которых выделяются четыре знаменательных класса слов, не позволяет ввести в их число и местоимение. Еще в начале прошлого столетия А. А. Шахматов отмечал, что «под местоимением разумеется ряд служебных слов» [прив. по Виноградов, 1975: 426]. Подобной же точки зрения придерживался Л. Блумфилд, относя местоимения в предлагаемой им классификации частей речи к третьему классу грамматических форм, которые он определял как *субституты (заместители)*: «В английском языке самую большую группу заместителей составляют местоимения» [Блумфилд, 1968. 150]. М. В. Никитин также отмечал, что «местоимения третьего лица выполняют роль слов-заместителей, средств

повторной номинации того, что названо в тексте своим именем, собственным или нарицательным» [Никитин, 1988: 131].

Учитывая достижения современной лингвистики, показавшие, что семантическая оценка местоимений раскрывает глубинную природу их несамостоятельности, «этот своеобразный и диалектически-противоречивый лексический слой должен быть выведен из знаменательной части словаря и присоединён к его служебной части» [Блох, 2000: 75]. Изменение разрядовой рубрики местоимений, снижение их классификационного ранга помогает собрать местоименные слова воедино в служебной области грамматической раскладки лексики, поскольку «их объединяет заместительно - указательное функциональное назначение» [там же]. Местоимение лишь уточняет содержательную сторону существительного, а никак не изменяет её. Таким образом, по выявлении основных функциональных характеристик местоимений (уточняющей и замещающей), мы видим, что именно существительное переносит свой признак на местоимение, а вовсе не наоборот, как утверждают некоторые лингвисты (ср. утверждение авторов одного из учебников по теоретической грамматике английского языка о том, что при субституции имени существительного местоимением речь идёт уже о другой части речи и о перенесении признака этой другой части речи на существительное, не обладающее этим признаком [Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г., 1981]). В качестве другого примера можно привести мнение Н. А. Гришиной о том, что «личные местоимения третьего лица единственного числа, выступающие в качестве заместителей существительных, имеют чёткое разделение по роду. Однако это разделение является признаком местоимений, а не имён существительных, да и само оно передаётся лексическим способом» [Гришина, 1996: 50]. И это не единственные примеры подобного подхода к трактовке функциональной роли местоимений. Как замечает М. Я. Блох, «...не только существующие грамматические описания, но и труды, посвящённые семасиологии, в противоречии со своими собственными определениями

оставляют традиционно признаваемый знаменательный статус местоименных разрядов слов в неприкосновенности» [Блох, 2000: 75].

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что соотнесение с определенным местоимением помогает выразить ту семантику имени существительного, которую довольно часто невозможно вывести непосредственно из морфемки последнего. К таким типам семантики существительного можно отнести информацию о:

1) числе существительного. Ср.: *англ.* I like the sheep. I really like them (мн.ч.) / it (ед.ч.); *нем.* Büchlein? Ich habe es (ед.ч.) nicht gesehen;

2) роде существительного. Ср.: *итал.* Esse (жен. р.) sono stanchi; *англ.* The doctor is here. She (жен. р.) is going to examine you; *рус.* Он просто растяпа (муж.р.)!

В силу основных типов своей семантики местоимение всегда служит проекцией различных категориальных признаков существительного, в том числе и родовых. Уже по одному своему определению (местоимение = вместо имени) оно «обязано» отражать главнейшие категориальные признаки семантики существительного. Специфичность типов местоименной семантики определяет универсальность местоимений в системе средств выражения родовых характеристик.

Как показывает анализ, из всех существующих разрядов местоимений родоуказующая функция наиболее характерна для личных местоимений третьего лица. И действительно, при выявлении специфики семантики личных местоимений третьего лица и характера её отображения на строе предложения, можно заметить, что их основной грамматической функцией является выражение родовых характеристик, приписываемых тому или иному концепту. Однако необходимо уточнить тот факт, что из общего количества классов местоимений функцию родоуказания наиболее часто выполняют местоимения третьего лица единственного числа. Во множественном же числе признаки рода часто нейтрализуются. Данный вид нейтрализации весьма распространён, в частности, в русском, английском и немецком языках. О. Есперсен отмечает,



что обобщение одной формы во множественном числе (*англ. they, нем. sie, дат. de и т. п.*) «... вполне естественно, поскольку очень часто приходится говорить о группе, состоящей из лиц обоего пола» [Есперсен, 1958: 228]. В противоположность этому другие языки, например, романские, сохраняют различия по роду и в личных местоимениях множественного числа. Так, во французском языке местоимениям **il** (он) и **elle** (она) соответствуют во множественном числе **ils** (они; мужского рода) и **elles** (они; женского рода). Тем не менее, здесь наблюдается нейтрализация другого плана: **elles** используется для указания на женский род существительного во множественном числе в тех случаях, когда все его референты соотносятся с женским родом; **ils** определяет референтов во множественном числе как принадлежащих к мужскому роду в том случае, если по крайней мере одно из соотносимых с ним лиц или понятий принадлежит к мужскому роду, то есть в некотором смысле значение женского рода «подавляется» мужским. То же правило, в частности, действительно и для итальянских местоимений третьего лица множественного числа **esse** (жен. р.) и **essi** (муж. р.).

Итак, именно личные местоимения третьего лица единственного числа несут на себе родоразличительную нагрузку даже при отсутствии каких-либо других родоуказующих средств. К примеру, в английском языке местоимение является единственным классом слов, который служит для идентификации существительного как члена того или иного родового класса, и, следовательно, является единственным грамматическим средством выражения рода.

В свете вышесказанного главенствующая роль местоимений третьего лица единственного числа как универсальных выразителей приписываемых существительным родовых характеристик представляется бесспорной. Учитывая тот факт, что род каждого английского существительного может быть выражен через соответствующее местоимение, категория рода предстает перед нами как грамматическая, поскольку отвечает двум вышеназванным условиям существования грамматических категорий: обладает определенным грамматическим значением, распространяющимся на всю систему

существительных и выражаемым через систему местоимений третьего лица единственного числа.

Что же касается определения рода как «грамматического» на основании несемантической природы принципов распределения, то здесь стоит отметить, что при подобном толковании термина «грамматический род» следует отказаться в «грамматичности» категориям рода тех языков, где распределение по родовым классам производится на чисто семантическом основании (например, в английском языке), хотя условия существования грамматической категории в подобных случаях никуда не исчезают – присутствует распределение существительных на родовые классы, что находит выражение через систему личных местоимений третьего лица единственного числа. Таким образом, степень соответствия родовой характеристики существительного его биологическим признакам не может являться основанием для утверждения о грамматичности или «неграмматичности» категории рода.

Точно так же и в других грамматических категориях можно найти примеры, не соответствующие реальности. В качестве иллюстрации можно привести форму множественного числа неисчисляемых существительных «снега», «воды», «пески» в русском языке или же употребление превосходной формы прилагательного в следующем контексте в английском языке: It is the second largest city in the world (= Это второй по величине город в мире).

Сущность категории рода как грамматической категории составляет уже само парадигматическое соотнесение существительного с тем или иным родовым классом, а вовсе не семанτικότητα/асеманτικότητα принципов родораспределения. Другими словами, *принципы семантической классификации существительных по родам не могут являться основанием для утверждения о её неграмматичности*. Подобной же точки зрения придерживается и Н.А. Гришина: «...следует согласиться с тем, что признание рода как грамматической категории логически не зависит от какой-либо конкретной семантической ассоциации, которую можно усмотреть между родом существительного и физическими или другими свойствами людей или

предметов, обозначаемых этими существительными» [Гришина, 1996: 9]. Относительно случаев совпадения рода существительных с естественным полом референта можно отметить, что они представляют всего лишь случаи семантизированного распределения грамматической категории рода.

Помимо рассмотренного подхода к толкованию данного термина наблюдаются отдельные случаи иной его трактовки. Так, некоторые лингвисты, говоря о «грамматическом» роде, подразумевают факт соотнесенности данной категории со сферой грамматики, не затрагивая принципы распределения существительных по родовым классам, но делая упор на выявление средств выражения рода. Как видно, подобная трактовка обсуждаемого термина совершенно отлична от первой: объектом исследования в первом случае является семантическая/асемантическая принципов родораспределения, в то время как во втором случае в этом качестве предстают «материальные» средства выражения рода. Следует отметить, что последняя трактовка понятия «грамматический род» более точно отражает суть термина, так как в данном случае, несомненно, речь идет именно о соотнесенности данной категории с грамматическим аспектом языка.

Учитывая вышесказанное, видится целесообразным разграничить указанные подходы к изучению родовой категории и ввести более четкое терминологическое обозначение для каждого из них. Как справедливо указывает С. Г. Тер-Минасова, «...термины должны быть однозначны, иначе затрудняется передача научной информации» [Тер-Минасова, 2000: 12].

Ввиду этого, не совсем верным видится употребление такого термина как «грамматический род» исключительно для обозначения принципов распределения рода, противоречащих биологическим характеристикам существительного. Мы предлагаем заменить данное понятие термином **«формальное родораспределение»**, в то время как понятие «грамматический» применять по отношению к роду в том случае, когда подразумевается его непосредственная отнесенность к сфере грамматики.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики.–М.: Высш. шк., 2000.
2. Блумфилд Л. Язык. М.: Изд-во «Прогресс», 1968.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Изд-во «Наука», 1975.
4. Гришина Н. А. Категориальный признак рода в языковой семантике: Дис. ... канд. филол. наук, Волгоград, 1996.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
6. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г., Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: «Высшая школа», 1981.
1. Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. – СПб.: Издательство «Лань», 1999.
7. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
8. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие.- М.: Высш. шк., 1988.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). — М.: Слово, 2000.
10. Corbett, G. G. Gender and Gender Systems. In R.E. Asher, & J.M.Y. Simpson (Eds.), The encyclopedia of language and linguistics. Vol. 3 (pp. 1347-1353). Oxford: Pergamon Press, 1994.
11. Fodor, I. The Origin of Grammatical Gender. *Lingua*, 1959, 8. – pp.1-41, pp.186-214.
12. Lehmann, W. P. 1958. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection. *Language* 34. 179-202.
13. Van Berkum, J.J.A. The psycholinguistics of grammatical gender: Studies in language comprehension and production. Doctoral Dissertation, Max Planck Institute for Psycholinguistics. Nijmegen, Netherlands: Nijmegen, University Press, 1996.